

Иван Михайлович
ЩЕГОЛЕВ

(1793-1868)

РУССКАЯ КЛАССИКА

Иван
СНЕГИРЕВ

*Книга народной
мудрости*

Русские народные
пословицы и притчи

Москва

ЭКСМО
2014

УДК 82-84
ББК 82-6
С 53

Разработка серии *Е. Соколовой*
Оформление переплета *Н. Ярусовой*
В оформлении переплета
использованы фрагменты работы
художника *Филиппа Малявина*

Снегирев И. М.
С 53 Книга народной мудрости / Иван Снегирев. —
М. : Эксмо, 2014. — 576 с. — (Русская классика).

ISBN 978-5-699-70268-8

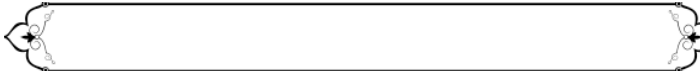
Книга известного русского фольклориста и этнографа, профессора Московского университета, признанного знатока московских древностей Ивана Михайловича Снегирева (1793—1868) посвящена русским народным пословицам и притчам, заповедям истины и правды, обратившимся в житейскую мудрость.

Эта книга была первым научным собранием жемчужин русской словесности. Автор приводит в примечаниях параллели в отечественных пословицах с чужестранными изречениями из библейских, греческих, римских и других источников.

УДК 82-84
ББК 82-6

ISBN 978-5-699-70268-8

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тому 17 лет, как изданы мною четыре выпуска моего сочинения «Русские в своих пословицах». В них я попытался показать мое отношение к Антропологии¹, Физике и Истории, коснулся не только содержания, но и формы сих заветных изречений Русского народа, объяснив некоторые из них параллельными местами из отечественных летописей и грамот, из классических писателей, из пословиц у других Европейских народов. Конечно, этот опыт был только началом обширнейшего сочинения по этой части, разрабатываемой с таким рвением и успехом учеными мужами в Европе. В продолжение этого времени, пользуясь новыми исследованиями и открытиями в области Русской народности и советами богословов, юристов и филологов, я вновь разрабатывал Русские пословицы, касающиеся веры и благочестия, нравственности, юриспруденции, истории и т.д.

¹ Заглавная буква сохранена в авторском варианте.
(Прим. ред.)

Чем более я вникал в этот, столь разносторонний и столь многосложный, предмет, обнимающий внутреннюю жизнь народа, тем более убеждался в необходимости возможно полного собрания и отчетливого издания текста русских пословиц и притчей; потому что напечатанные Гг. Кургановым, Новиковым, Богдановичем и Д. К. не полны, неверны, смешаны с поговорками и стихами, нередко переиначены так, что изгажен первобытный их пошиб. Итак, дело, прежде начатое мною с конца, должно было быть начато с основания его, т.е. собрать и сличить текст самих пословиц из всех доступных мне источников печатных, письменных и изустных. Для сей цели употреблены были мною все возможные мне средства. В изданных доселе пословицах находится много употребительных в разных областях России и вышедших из употребления, но сохранившихся в древних грамотах, летописях, отческих книгах, песнях и сказах; из этих письменных памятников я заимствовал пословицы, кои вошли в текст или служили объяснением и дополнением сходных с ними, ходящих в народе. Четыре рукописных сборника пословиц и притчей, конца XVII века, 1) Князя М.А. Оболенского, 2) А.И. Тургенева, 3) М.П. Погодина и 4) собственный мой, доставили мне значительное пособие. Из предисловия к первому, по всей вероятности, писанного Симеоном Полоцким, открывается, что еще в конце XVI столетия су-

ществовал письменный сборник Русских пословиц и притчей. В своих путешествиях по разным губерниям России я собирал местные пословицы или доставал их посредством переписки с иногородними. Радужное содействие мне в этом случае почтенных соотечественников послужило отрадным доказательством, что Русское сердце всегда откликнется Русскому и что отечественное дело всегда встретит в Русских живое участие. Незабвенно и обязательно для меня пособие, какое оказали мне сообщением своих замечаний или местных пословиц из Псковской, Тобольской, Ярославской, Костромской и других губерний: Архиепископ Ярославский и Ростовский Евгений Казанцев, покойный Кирилл Богословский, Доктор Богословия П.М. Терновский, Протоиерей и Профессор Ф.А. Голубинский, действ. Ст. Сов. И.Ф. Калайдович, П.Ф. Карабанов, М.П. Погодин, Н.И. Крылов, Ф.Л. Морошкин, Петр Илар. Страхов, Н.В. Калачов, А.И. Лобков, П.С. Максютин, П.В. Шереметевский и другие почтенные и любознательные мужи, о которых я упомяну в указании письменных пособий по этой части.

Сборник свой я назвал *возможно полным*, потому что совершенно полный не возможен по бесчисленному множеству и разнообразию пословиц, живущих в Русском народе. Многие из них таятся в разных его слоях, в некоторых семействах, и высказываются только в редких случаях жизни пред лицом событий. Спросите у Русского

человека, крестьянина или посадского: какие он знает пословицы? Он тотчас не припомнит и не перечтет их; но в живой страстной речи он вымолвит их много. Кто же может подметить все такие моменты жизни и уловит все заветные слова в народе? Пословицы живущи, плодущи и неисчерпаемы; нередко они вытекают из других, одни сменяются другими. Здесь я представляю собранные мною в продолжение трех десятилетий и доставленные мне усердствовавшими.

Сличая напечатанные пословицы с изустными и письменными, я дополнял и исправлял одни другими, указывал в примечаниях параллельные места, источники и варианты (разнословия). Труд, конечно, не казистый, не блестящий; но не легкий и не излишний. Сколь часто одна и та же пословица, прошедши сквозь несколько веков и через разные места, облекалась в разные формы, переиначиваясь в словах и в строении речи, там сокращалась, здесь распространялась, там относилась к одному, здесь к другому предмету, там принималась в собственном, здесь в переносном смысле. Как в народе, так и равно в его языке и пословицах представляется смесь древнего с новым, коренного с прививным, отечественного с чужеземным, городского с сельским. Из этой смеси разных элементов сложилось органическое целое.

Встречающиеся в пословицах древние, обветшалые, областные речения, прямые и косвенные

намеки на события, более или менее известные, на исконные верования, заветные обряды, стародавние обычаи и нравы требовали объяснений. Но можно ли вполне постигнуть и истолковать все явления общества уже не существующего, открыть подлинный смысл в неясственных отголосках минувшей жизни народа, столько изменившейся в потоке столетий! Кто разгадает все ее загадки и дополнит недомолвки! *Времена древние*, говорит пословица, *дела темные*. Пословицы, обнимая весь народ, его физическую, нравственную и духовную стороны, его былое и насущное, составляют предмет столь многосторонний, разнообразный и сложный, что трудно и едва ли возможно обозреть его вполне, уловив все его существенные и случайные изменения, бесчисленные оттенки. Но сколько позволяли мне мои средства и способности, я ограничился кратким объяснением тех только пословиц, коих происхождение и смысл открывали мне известные источники. Не сомневаюсь, что с большими средствами и проницательностью можно более сделать важных и любопытных открытий в этой области, где таятся живые семена мыслей и чувствований, где еще не изгладились следы некогда существовавших и теперь существующих нравов, обычаев и заветных поверий народа. «Мудрый уразумеет притчу и темное слово» *Притч. Соломон. I(6)*. Находя в отечественных пословицах сходство, существенное и случай-

ное, с чужестранными, я приводил в примечаниях параллельные, подобнозначащие места из библейских, Греческих, Римских и других, сколько мне удалось отыскать. С основательным знанием Восточных и Скандинавских языков такое сравнение может повести ко многим результатам, важным для Филологии, Философии и Истории, особливо когда изданы будут пословицы всех Славянских племен.

Не могу умолчать о моей благодарности за содействие мне в филологических исследованиях по сему предмету Гг. Профессорам С.П. Шевыреву, К.К. Гофману, О.М. Бодянскому и А.И. Меншикову, М.Н. Каткову, К.А. Коссовичу, которые усердствовали мне советом, указанием и сообщением материалов.

Невзирая на некоторые неудобства и невыгоды алфавитного, лексикологического порядка, я его предпочел систематическому. К этому меня склонила его употребительность и подручность, равно и пример Европейских ученых, которые следовали ему при издании пословиц. Из собранных материалов можно строить какие угодно системы. Для избежания же повторения одних и тех же пословиц, начинающихся с разных слов, я ссылался при одной на другие, сходные с нею своим содержанием.

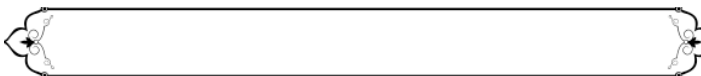
В труде своем мне весьма приятна нечаянная встреча с известным знатоком и деятелем в Русской народности В.И. Далем, который гото-

ПРЕДИСЛОВИЕ

вит систематическое издание Русских пословиц. Чем более этот предмет будет разрабатываем с разных сторон, тем более представит данных, важных и любопытных для объяснения нашей народности.

Хотя бы в моем издании не восполнены были все недостатки и не исправлены все ошибки предшественников, хотя бы и сам я не избежал погрешностей, но без всякого притязания мог сказать, что текст у меня исправнее и отчетливее прежних изданий, полнее несколькими тысячами; потому что в СПб. издании Р.П. 1828 г. на первую букву 28 пословиц и поговорок, у меня одних пословиц 128. Не говоря о ссылках на многочисленные источники, сличениях, проверке и указаниях, эта кропотливая работа понятна знаатокам дела. Все это обнадеживает меня, что издание мое и при других будет не излишним и не бесполезным.

ОБОЗРЕНИЕ ПОСЛОВИЦ

Жизнь человечества и народов мы читаем в памятниках их бытия; но одни безгласные камни, тленные хартии не могут передать нам задушевных его мыслей, заветных верований и преданий. Есть еще не писанные, не изваянные из мрамора и металла, но живущие, бессмертные памятники души и сердца народов, которые преемственно переходят от одного поколения к другому в песни, сказки и пословицы. Это умственное наследство досталось народам из тех патриархальных времен, когда устами праведных и мудрых говорила сама вековечная и непреложная истина, когда одна с обязательною силой указывала человеку необходимое, должное и возможное, а другая открывала ему действительное и подлинное в жизни. Сии заповеди истины и правды, обратившиеся в житейскую мудрость, усвоились человечеству и народности в виде пословиц, кои заключали в себе судьбы его; ибо, по изречению Соломона в притчах, *мысли праведных судьбы*, т.е. уставы, законы¹.

¹ *Притч. Соломон. XII, 5.* Здесь и далее примечания даны в авторском варианте, за исключением параллелей с нем. языком (*Прим. ред.*).

Кажется, нигде столь резко и ярко не высказывается внешняя и внутренняя жизнь народов всеми ее проявлениями, как в пословицах, в кои облекаются его дух, ум и характер. Летучее слово, проникнутое и одухотворенное живущей мыслью, получает самобытность и вековечность. *Все минется, одна правда остается.*

Итак, не без основания, пословицы сами себя определяют *правдивыми, истинными, непреложными, неизбежными, неподсудными: Пословица правдива; Пословица мимо (дела) молвится; Старая пословица не сломится; На пословицу суда нет.* Но ни *глупая, ни пьяная речь не пословица*, следственно, только умная, трезвая, здравая.

От присутствия в пословицах вечной правды, соединяющей в себе разумность, свободу и нравственность, им приписывали божественное происхождение, а по незапамятной, предысторической давности возводили начало их к младенчеству рода человеческого, искали в колыбели народов, окруженной мраком древности. Действительно, истинная мудрость и правда истекают от сближения духа человеческого с духом Божиим. Сродна ей и младенческая одежда, как знак ее чистоты и простоты. Вот почему сама небесная правда и воссиявшая от земли истина¹ облекались в одежду притчи и пословицы, когда благоволили прийти в явление человечеству.

¹ «И правда с небесе прииче, истина от земли возсия». Псал. 82,12.

Как искони все истинное, праведное, преизящное называлось божественным, то и народ всякое убеждение в сущей правде и непреложной истине почитает внушением свыше, *гласом Божиим: Глас народа — глас Божий; Совесть добрая — глас Божий*. Этот живой голос, по сущности своей, столь внятный сердцу человеческому, столь согласный с его совестью и умом, раздается от начала мира во всех племенах и языках, в их жизни и пословице. Доказательство тому найдем в пословицах, выражающих вечные, неизменные истины, уставы естественного разума; они у разных народов одинаковы; потому что происхождение их общечеловеческое. Сущностию своей они различаются от собственно народных пословиц, сих отголосков своего века и местности, нравов и обычаев, верований и мнений, духа и направления у той или другой нации. Как первые выражают по преимуществу общечеловеческие, религиозные, нравственные, естественные отношения, так в других отпечатлеваются случайные частные отношения жизни народной. Одни пребывают неизменны, непреложны, а другие, под местным колоритом, нередко входят в употребление и выходят вместе с изменением быта и духа народного.

Столь высоко происхождение пословиц! Исходя из уст пророков, оракулов, мудрецов, патриархов, царей и сивилл древнего мира, они сообщались народу как изречения мудрости, как правила

жизни. Рассадником их были храмы, стогны городские и судилища. Долгое время мудрость передавала плоды своего размышления в простых, кратких и складных изречениях, благозвучных для слуха, доступных для ума и емких для памяти. Наконец, в пословицу обращалось всякое выражение ясного сознания, глубокого ума, меткого остроумия, которое открывало какую-нибудь полезную и важную для жизни истину. Случайно высказанное одним и подтвержденное большинством голосов переходило в общее достояние: имена моливших исчезли, речь их осталась. Аристотель называет пословицы «священными остатками древнейшей Философии, без коих она» была для нас совершенно потерянной».

Потомки жили наследственной мудростью предков; немногие правила и наблюдения, высказанные в пословицах, заменяли письменные уставы и законы до тех пор, пока мудрость не перешла из действительной жизни в умозрение, пока действенные, живые ее слова не облечены были в мертвые письмена.

Хотя с пословицы и совлекли ее царственно-жреческое облачение, хотя одели ее в рубище простолюдина и вмешали ее в толпу черни, но и там она совершенно не утратила внутренней своей силы и влияния, по своему тайному сродству с жизнью народной и по первобытному свойству с вечною *правдою*, которая, по старой пословице, *светлее солнца*.